

Таланты & поклонники

МОСКОВСКОГО
академического
имени
Владимира

Театра
Маяковского

художественный
руководитель
миндаугас карбаускис

периодический
печатный орган
97-й сезон

№1 февраль
2020

АЛЕКСАНДР ВАМПИЛОВ

ТОМАС БЕРНХАРД

АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ

УИЛЬЯМ ФОЛКНЕР

премьеры 97-го сезона. четыре стены одного дома.

Мы строим Дом. От четырех Авторов в нем будет по одной стене.

Авторов я вам назову. Это Александр Вампилов, Томас Бернхард, Александр Островский и Уильям Фолкнер. Двое русских, два иностранца — для симметрии.

Так уж получится, что все четыре стены будут разными. Совсем разными. Взглянешь с одной стороны — один дом, с другой — другой. А если посмотреть с угла, так, чтобы видеть две стены сразу, то вид будет весьма странный. Нужно, чтобы каждые две стены, попарно, сочетались друг с другом. Их нужно верно расположить. Как? Давайте подумаем.

Стена **АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА**, его “Старший сын”, — это стена стремления к Дому. В ней отец ищет Дом в сыне, а сын в отце. И не так уж важно, кто они друг другу. Важно, что оба избрали верный путь — к Дому.

Пусть в вампиловской стене будет вход в наш Дом. Пусть его крыльцо будет видно издалека: из-за поля, из-за реки. Решено. Эта стена пусть выходит в поле.

Стена **ТОМАСА БЕРНХАРДА**, его “На покой”, — это стена Дома-склепа. У Бернхарда тот, кто дома, уже давно мертв. Выхода из такого Дома нет — и он по-своему вечен.

Мы поставим стену Бернхарда напротив стены Вампилова и прислоним ее к скале. Дверей в ней не будет. Но мы украсим ее резными фигурами играющих людей и зверей. Пусть движутся под светом Луны. Бернхард сказал бы: “Хорошо”.

Стена **АЛЕКСАНДРА ОСТРОВСКОГО**, его “Дикарка”, — это стена, пригодная для общественного здания. Без городского шума, тротуара с гуляющими она неуместна. Ей подойдут балкон, с которого можно наблюдать за экипажами, и окна лавки на первом этаже.

Пусть стена Островского выходит на проезжую улицу, а из ее окон пусть будут видны все интриги города. И кто во что одет, мы тоже обсудим.

Стена **УИЛЬЯМА ФОЛКНЕРА**, его “Йокнапатофа”, — это вечное движение, в которое вовлечена каждая частица мира. Жизнь и смерть в ней не противостоят, но составляют единое целое. “Одно перетекло в другое, а завтра перетечет в третье. Подержите бочонок”. На это не нужно смотреть — нужно быть частью этого. Стена Фолкнера — это веранда с зимним садом, переходящая в террасу с цветочными горшками, а затем — в сад с деревьями. Здесь все всегда растет, каждый день погибает и каждый день возникает в ином обличье. И здесь всегда есть что делать.

Теперь надежная стена Бернхарда стоит напротив стены Вампилова с входом в Дом со стороны поля с долгой дорогой. По правую руку от стены Вампилова стоит стена Фолкнера с бесконечным цветущим и отцветающим садом, а по левую — стена Островского, которая не даст нам забыть, как это весело — быть с людьми.

“А крыша у вас какая?” Крыша у нас старая — русский психологический театр. “Не протекает?” Да вроде нет. Но вы заходите, проверьте. Актеры ее только что перекрыли заново. &

Уильям Фолкнер — единственный

Пока я могу найти лист бумаги и кто-нибудь одолжит мне карандаш и купит немного табаку, я буду продолжать писать. — Уильям Фолкнер

Уильям Фолкнер, конец 1950-х гг.

Город Оксфорд на Юге Америки похож на сотни таких же городков американского Юга. В двух кварталах от площади живет потомок знаменитого полковника Фолкнера, неудачливый делец Марри Фолкнер со своей семьей. В семье четыре сына, старшего зовут Уильям. Не проявляя особого прилежания в учебе, Уильям занимается только теми предметами, которые его интересуют, зато пишет стихи и придумывает для друзей увлекательные истории.

Когда Соединенные Штаты вступили в мировую войну, Уильям поступает курсантом в летное училище Британских королевских воздушных сил. Но когда Фолкнеру оставалось несколько недель до завершения учебы, мировая война кончилась. К рождеству 1918 года Фолкнер был уже в Оксфорде. Возвращаться было тяжело — он мечтал приехать героем войны, а приехал никем.

В октябре 1919 года, уступив семье, Фолкнер стал студентом Миссисипского университета, но, познакомившись с нью-йоркским писателем Старком Янгом, Фолкнер бросает учебу и перебирается в Нью-Йорк: «У него (Старка) была одна спальня, поэтому я спал на итальянской софе в прихожей. Янг жил все это время в смертельном страхе, что я во сне сломаю ручку у этой старинной софы. Жил у него до тех пор, пока он не предложил мне найти какое-нибудь занятие».

В 1921-м Фолкнер возвращается в Оксфорд, где становится почтмейстером. Все рабочее время он посвящает чтению, а почту попросту отправляет в мусорную корзину, в связи с чем в октябре 1924 года Фолкнеру было предложено уйти в отставку.

В это время Фолкнер продолжает писать стихи, пишет заметки для газеты, готовит поэтический сборник «Мраморный фавн». Критика встретила сборник молчанием, тираж не был раскуплен. Когда Фолкнеру была присуждена Нобелевская премия, его ближайший друг Стоун не без горечи писал: «У меня до сих пор хранятся несколько экземпляров, за которые кое-кто из видных граждан Оксфорда, гордящихся теперь знакомством с Фолкнером, пожалели тогда заплатить полтора доллара».

В 1925 году Уильям Фолкнер приехал в Новый Орлеан, где под влиянием знакомства с писателем Шервудом Андерсоном пишет свой первый роман «Солдатская награда»: «Мы до ночи засиживались за бутылкой. А по утрам он работал... И я тогда подумал, что если у писателя такая жизнь, то эта жизнь мне подходит. Я начал писать роман и обнаружил, что это увлекательное занятие». Критики встретили роман весьма положительно, однако раскупалась «Солдатская награда» плохо, а дома роман встретили в штыки: Мисс Мод написала сыну, что лучшее, что он может сделать, это покинуть страну, а отец просто отказался его читать.

В 1926 году, чувствуя слабость первых романов, Фолкнер искал тему своего творчества: «Я обнаружил, что моя собственная родная земля стоит того, чтобы писать о ней, что всей моей жизни не хватит, чтобы исчерпать эту тему». Так родился Йокнапатофский округ с его центром — городком Джефферсоном.

В 1929 году происходит важное событие: юношеская любовь Уильяма, Эстелл, дала согласие стать его женой. Желая заработать, Фолкнер пишет «самую страшную историю, какую только мог изобрести» — роман «Святылище», который вышел в свет и сразу же завоевал скандальный успех. В Оксфорде те, кто решался купить

ХОЗЯИН И ПОВЕЛИТЕЛЬ ЙОКНАПАТОФЫ

книгу, просили завернуть ее в бумагу, чтобы не видели соседи, а отец Фолкнера пытался добиться, чтобы продажа романа была запрещена. В этом же году вышел роман “Шум и ярость”, а следом за ним — роман “Когда я умирала”.

Помимо забот литературных, были заботы и жизненные. Фолкнер приобретает полуразрушенный особняк и сам берется за его ремонт. Теперь деньги нужны еще и на обустройство дома, и в 1932-м Фолкнер подписал контракт с голливудской студией “Метро-Голдвин-Майер”. Значительную часть заработанных денег он тут же потратил на то, чтобы заменить давно прогнившие полы в своем доме.

8 декабря 1935 года в семье Фолкнеров произошла трагедия — разбился на самолете младший брат Дин. Понимая необходимость в дальнейшем содержать семью погибшего брата, Фолкнер вновь поехал в Голливуд. Летом 1944 года к нему приехали Эстелл и дочка Джилл. Фолкнер купил любимой дочке маленькую кобылу Лэди, и девочка была счастлива. Но в сентябре они уехали, и он опять остался один. Душевное состояние его ухудшалось, крепла решимость вернуться домой. В конце концов он погрузил Лэди на прицеп и, не получив разрешения от студии, выехал в Оксфорд. Он был вознагражден за все, когда вечером они въехали в ворота Роуан Ок и полусонная Джилл в ночной рубашке спустилась по лестнице и обмерла, увидев Лэди. Теперь, на родной земле, Фолкнер готов был продолжать битву — он жаждал закончить роман “Притча” и доказать, что он еще не выдохся как писатель.

В начале 1948 года он загорелся новой идеей: роман “Осквернитель праха” писался стремительно — уже в апреле Фолкнер высылает рукопись в издательство, где роман немедленно запустили в работу. А в июле студия “Метро-Голдвин-Майер” купила у издательства право экранизации “Осквернителя праха” за 50 тысяч долларов, и в доме был устроен семейный праздник.

Летом 1949 года приятель Фолкнера Джон Рид знакомит его с племянницей своей жены, Джоанной, мечтавшей стать писательницей. После недолгой встречи, несмотря на разницу в возрасте в 30 лет, завязалась переписка, Джоанна привозила в Оксфорд свои рассказы, которые Фолкнер внимательно читал. Для нее он был великим писателем, а вот Фолкнер видел в ней привлекательную женщину, чья молодость и обаяние волновали его.

В мае 1950 года пришло известие, что Американская академия искусства и литературы присудила Фолкнеру медаль Хоуэллса, а 10 ноября 1950 года Шведская академия удостоила его Нобелевской премии. На полученные деньги Фолкнер установил стипендию в 500 долларов для студентов в университете Оксфорда, а также оплатил обучение талантливого негритянского юноши в Мичиганском университете.

Отношения с Джоанной доставляли Фолкнеру радость и страдания. Виделись они все реже, и наконец Джоанна сказала Фолкнеру, что разница в возрасте между ними слишком велика и что отношения стали для нее в тягость. Затосковавшего Фолкнера вновь потянуло к Йокнапатофе, как к старому обжитому дому, — он пишет сборник рассказов “Большие леса”. Этот возврат к родной почве как будто влил в Фолкнера новые силы. Способствовало выходу из депрессии и то, что зимой 1955 года роману “Притча” присуждена Национальная книжная премия, а весной роман был награжден Пулитцеровской премией.

1957 год ознаменовал собой в значительной степени новый период в жизни Фолкнера. Он все больше времени проводил в Шарлоттсвилле, где обосновались дочь с мужем и внуком, встречается со студентами, много ездит верхом, несмотря на боли в плече и запреты врачей.

В ноябре 1959 года вышел в свет роман “Особняк”, а зимой Фолкнер приехал в Оксфорд — тяжело заболела его мать, с которой Фолкнера связывала нежная любовь, огромное уважение и благодарность за то, что она всегда верила в него. Стараясь облегчить

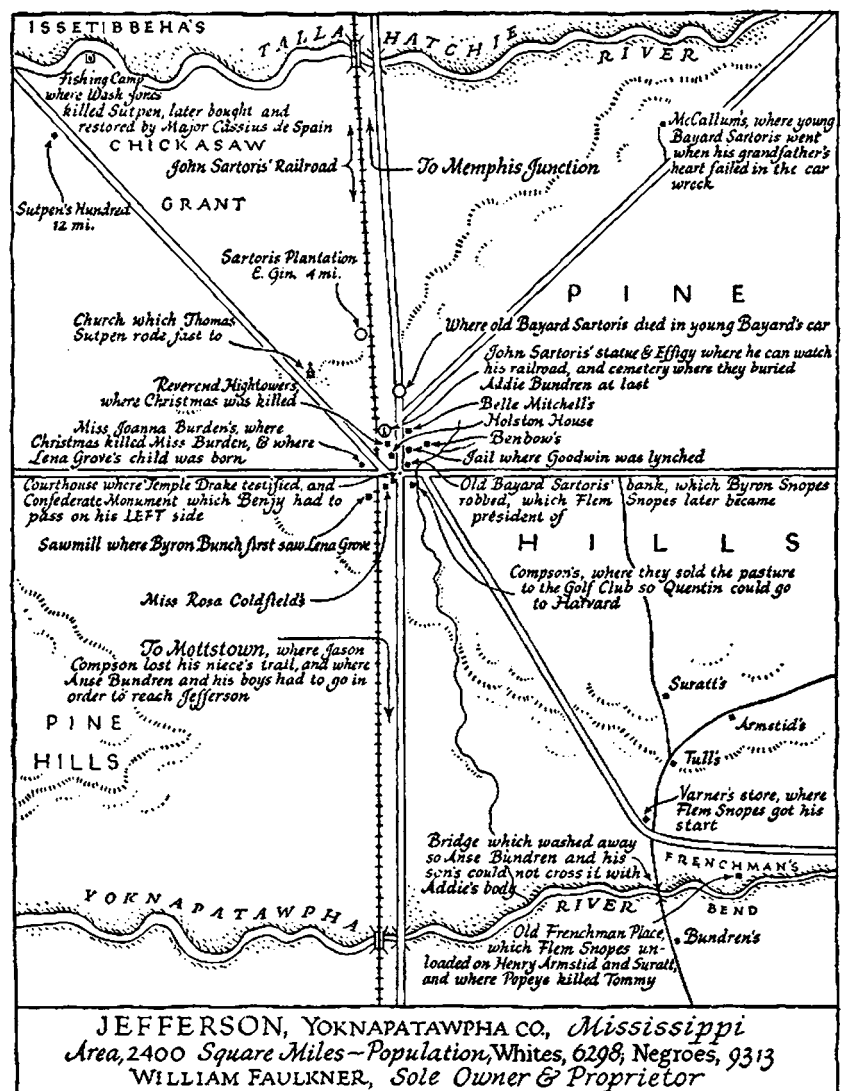
ее душевное состояние, Фолкнер стал рассказывать ей “красивые сказки о небесах”. Мисс Мод спросила его: “А я обязательно должна буду встретить там твоего отца?” Фолкнер несколько растерялся и ответил: “Нет, если ты сама этого не захочешь”. “Вот и хорошо, — с облегчением сказала мать, — я никогда не любила его”. В октябре 1960 года Мисс Мод умерла. Смерть матери острой болью отозвалась в сердце Фолкнера.

Фолкнеру было уже 64 года, но он по-прежнему держался в форме: был подтянут, строен, скромно, но безукоризненно одет. И летом 1961-го он начал писать свой последний роман “Воспоминание”, который закончил очень быстро — в сентябре 1961 года рукопись была уже на столе у редактора.

Не желая сдаваться возрасту и болезням, 17 июня 1962 года Фолкнер, как обычно, рано утром выехал на верховую прогулку. Что испугало кобылу, она взвилась на дыбы и сбросила седока. Он с трудом поднялся и попытался вновь взобраться в седло, но не смог. Несмотря на сильную боль в спине, Фолкнер отказался лечь в больницу, а боль старался заглушить при помощи виски. В конце концов его удалось уложить в больницу, где ночью 6 июля 1962 года Фолкнер умер от сердечного приступа. Похоронили его на кладбище в Оксфорде.

О нем можно сказать словами, написанными им самим по поводу смерти другого писателя: “Люди скажут: у него не было времени закончить все, что он хотел. Но вопрос не Как долго и не Сколько, вопрос — просто Что. Когда за ним захлопнулась дверь, он уже успел начертать на этой ее стороне то, что мечтает написать каждый художник, проносящий через всю жизнь предвидение смерти и ненависть к ней: “Я был здесь”. По материалам книги Бориса Грибанова “Фолкнер”, серия ЖЗЛ, “Молодая гвардия”, М., 1976.

Карта округа Йокнапатофа. Рисунок Уильяма Фолкнера, 1936 г.

а. вампилов старший сын

Режиссер Анатолий Шульев

В роли Сарафанова
народный артист России
Игорь Костолевский

**24 и 25 января
состоялась
первая премьера
2020 года в Театре
Маяковского!**

Андрей Григорьевич Сарафанов. Отставной капитан артиллерии. Музыкант, горячо любит музыку. После демобилизации смог устроиться в симфонический оркестр, откуда его уволили по сокращению. Играет на танцах. Мечтает вернуться в филармонию. Сочиняет ораторию “Все люди братья”. Написал одну страницу. Выпивает.

— Папа, о чем ты грустишь? Людям нужна музыка, когда они веселятся и тоскуют. Где еще быть музыканту, если не на танцах и похоронах? По моему, ты на правильном пути.

— Спасибо, сынок... Вы видите? Что бы я делал, если б у меня не было детей? Нет-нет, меня не назовешь неудачником. У меня замечательные дети...

В роли Бусыгина
Алексей Дякин

Владимир Бусыгин, 21 год.
Студент мединститута, живет
в общежитии. Нет отца, мама
живет в Челябинске. Увлекается
физиологией и психоанализом.

— Значит, ты мне... Выходит, я тебе... Как же так?.. Да нет, я не верю!
Скажи, что ты мой сын!.. Ну! Сын, ведь это правда? Сын?!

— Нет..

— Но я не верю! Не хочу верить!

— Откровенно говоря, я и сам уже не верю, что я вам не сын. Но факт есть факт.

В роли Сильвы
Владимир Гуськов

Семен Севостьянов.
Прозвище “Сильва”.
Играет на гитаре, любит выпить
и девушек.

— Севостьянов. Семен. В просторечии — Сильва.
— Почему Сильва?
— А черт его знает. Пацаны — прозвать прозвали, а объяснить не
объяснили... У меня батя большой шутник. С ним не соскучишься.
Нет-нет да и что-нибудь выдаст. Вчера, например. Мне, говорит, надоели
твои безобразия. На работе, говорит, испытываю из-за тебя эти...
неловкости. На, говорит, тебе последние двадцать рублей, иди в кабак,
напейся, устрой дебош, но такой дебош, чтобы я тебя год-два не видел!..
Ничего, а?.. А у тебя?

В роли Нины
Полина Лазарева

Нина. 19 лет. Готовится выйти замуж за летчика и уехать с ним на Сахалин. После развода родителей взяла на себя обязанности хозяйки дома.

— Никуда я не уеду.
— Как же так?
— Да так... Ты прав, отца нельзя оставлять. Сегодня я это поняла. И еще я поняла, что я папина дочка. Мы все в папу. У нас один характер... Какой, к черту, Сахалин!

МЫ СТРОИМ ДОМ НЕ ТОЛЬКО НА СЦЕНЕ

На фото: дореволюционный вид здания Театра и проект его реконструкции

Место, где сейчас находится наш Театр, всегда было “театральным”. Когда в пожаре 1812 года сгорает “круглая зала”, принадлежавшая купцу Зарубину и использовавшаяся для проведения маскарадов и концертов, княгиня Шаховская-Глебова-Стрешнева, владевшая домом по соседству — сейчас “Геликон-опера” — и обожавшая свой домашний театр, с подачи предприимчивого антрепренера Георга Парадиза выкупает пепелище и к концу 1886 года возводит на нем здание театра. Архитектором проекта стал Константин Терский, а фасад в псевдорусском стиле выполнил его ученик Федор Шехтель, впоследствии — великий русский архитектор.

Итак, княгиня финансирует постройку театра, а по завершении Георг Парадиз заключает арендный договор на 12 лет. Театр на Никитской стал одним из первых частных театров Москвы. Праздновали открытие Парадиз-театра три дня. Изумленной публике было продемонстрировано самое современное, нигде более не представленное театральное оборудование: после окончания спектакля, в третий день празднования, все стулья зрительного зала были спущены в люк пола, а “спустя каких-нибудь 10 минут весь пол огромного зала был разом поднят на высоту более 2 аршин, т.е. на уровень сцены. Весь подъем этот совершили несколько рабочих, легко и быстро... Мы совершенно искренне обращаем внимание на верх и низ театра Парадиз, являющего, благодаря остроумному плану инженера Ротштейна, совершенно новые и доселе не практикованные скрепления и устои” (газета “Сцена”, 1886 год).

С 1886 года происходит немало событий: на сцене театра выступают Станиславский, Сара Бернар, Элеонора Дузе, труппа Венской оперы, спектакль “Чайка” смотрит Чехов, Георг Парадиз объявлен банкротом, Интернациональный театр на Никитской переходит от арендатора к арендатору, и, наконец, в 1918 году владение княгини Шаховской-Глебовой-Стрешневой национализировано Советской властью, а в театральном доме в 1920 году обосновался Теревсат — Театр Революционной сатиры. В 1922-м Теревсат распущен, а вместо него создан Театр Революции. Руководителем назначен Мейерхольд, смещенный к этому моменту с

поста заведующего театральным отделом Наркомпроса. В годы Великой Отечественной войны Театр Революции эвакуируют, а в здании работает Театр драмы. После войны принято решение об объединении этих двух театров, и в 1954 году вновь созданный театр получает свое современное название — имени Владимира Маяковского.

Здание театра, построенное аж в 1886 году, стоит уже 134 года.

Инженерная мысль, бывшая в конце XIX века новаторской и максимально прогрессивной, уже не отвечает современным тенденциям театрального оснащения: что-то утрачено, многое состарилось. Поэтому все чаще в последние несколько лет идут разговоры о проведении реконструкции основного здания и строений советского периода по Малому Кисловскому переулку.

В настоящее время при финансовой поддержке Правительства Москвы создана и утверждена концепция реставрации и реконструкции зданий Театра, начинаются работы по проектированию. Основное здание будет отреставрировано и восстановлено в первоизданном виде. В проекте реконструкции планируются к восстановлению псевдорусские шатровые крыши и светелка в неорусском стиле. Здание будет приспособлено для современного использования — к замене планируется механическое, световое, звуковое и видеоборудование, для подъема зрителей на верхние ярусы будут встроены лифты, обновятся все системы жизнеобеспечения, будет создана вся необходимая современному театру инфраструктура: репетиционные залы, малая сцена, грим-уборные артистов, мастерские для декораций, реквизита и костюмов, помещения для цехов, офисные площади.

Архитекторами ведется большая научная работа по воссозданию интерьеров зрительного зала, фойе, которые когда-то создавали великие художники Михаил Врубель, Виктор Васнецов, Василий Polenov.

Но пока даже дата начала реконструкции не определена окончательно, можно с уверенностью сказать, что Театр Маяковского не закроет двери для своих зрителей: часть спектаклей будет перенесена на другую площадку и, разумеется, мы по-прежнему будем ждать вас в нашем уникальном театральном пространстве — Сцене на Сретенке! &